

*Юлия
Лавряшина*

**Кто эта
женщина?**

За чужими окнами

Юлия Лавряшина
Кто эта женщина?

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лавряшина Ю. А.

Кто эта женщина? / Ю. А. Лавряшина — «Эксмо», 2018 — (За чужими окнами)

ISBN 978-5-04-091467-8

Все началось, когда Кира в случайно найденном телефоне прочитала трагические сообщения женщины к возлюбленному. Жива ли эта женщина, вдруг ее еще удастся спасти, если узнать о ней больше? А между тем человек, которому были адресованы письма, уже завладел воображением Киры и, возможно, влечет ее саму навстречу гибели.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091467-8

© Лавряшина Ю. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юлия Александровна Лавряшина

Кто эта женщина?

© Лавряшина Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Часть первая

Машина выскочила из мрака прямо на нее.

По глазам резанул свет фар, и Кира, не успев испугаться, зажмурилась. Ноги приросли к земле.

Удивительно, что кроме нее, Киры Максимовой, ни одного человека на аллее не оказалось. Оглушенная внезапностью нападения, через секунду она открыла глаза. Слепляющие лучи метнулись вбок, выхватив из ранней южной темноты мощные стволы деревьев, искривленные ветви, аккуратные ряды кустов.

Кира не распознала марки машины, хотя разбиралась в автомобилях. Тем более не увидела номера. Правда, когда она взгляделась, ей показалось, будто она уже знала его – три семерки. Вот оно – абсолютное счастье! Гибель пронеслась от нее в полуметре... В двух местах снесло металлическую ограду аллеи и кирпичную башенку над канализационным люком – а ведь башенка эта казалась бетонным бункером. И так легко сломалась...

Взрыв подушек безопасности в машине оглушил Киру, в голове поплыло, будто ее контузило ударом и грохотом. Уродливо вмятая – так над куклами забавлялись в детстве, вдавливая им то подбородки, то лбы, – морда автомобиля застыла на расстоянии ее вытянутой руки. Она выдохнула дым, бессильно захлебнувшись бензиновой слюной.

Что вот-вот может рвануть, Кире в голову не пришло... Но какие-то мысли ожили: она начала искать телефон, силясь вспомнить, на какой номер нужно звонить, чтобы позвать на помощь.

Кажется, в этот момент Кира и поймала его взгляд. Она не сразу поняла, что на перекрестке действительно стоит человек. На ум пришло: Черный Человек... Он стоял молча и смотрел на изуродованную машину, в которой, может быть, никого не осталось в живых... За душами пришел?

Удар ножа в машине отсек страшное: подушка с шипением сдалась кромсающей ее руке. Кире все слышалось глухо, как будто это она была заперта внутри, с берушами страха. Дверца распахнулась, мелькнуло лицо, показавшееся ей желтым под белесым мочалом кудрявых волос. Водитель скользнул по ней мутным взглядом: жива? Выскочил и обежал автомобиль сзади, отпечатавшись в Кирином мозгу клетчатым пятном рубашки.

«Там пассажир?!» Она бросилась следом. Обогнула машину, поскользнувшись на слякотных плитках, ухватилась за ручку задней двери и только тогда увидела: клетчатое пятно колотилось о землю. Кира не поняла, что происходит, сердце провалилось от страха, но кричать ей показалось неловким, даром что никого вокруг не было.

Как никого? Она обернулась. Черный Человек стоял на «зебре», точно вырос из темной ее полосы. Это выглядело так ненатурально, что могло быть только галлюцинацией. Разве реальный человек способен вот так спокойно взирать на то, как кто-то рядом бьется в конвульсиях? Или ему с «зебры» не видно?

– Здесь человеку плохо! Вы можете? – крикнула Кира больше от отчаяния, чем поверив в реальность мужчины.

Но тень неожиданно двинулась, приблизилась, с каждым шагом обрастая плотью, и обернулась живым человеком. Вглядываться в лицо, прикрытое длинным козырьком бейсболки, было некогда, да и неудобно, так что Кира не разобралась толком – молод он или стар. Бывшие хиппи тоже носят бейсболки и джинсы...

– Что с ним, а? – Она не была трусихой, но не могла заставить себя коснуться чужой крови.

Ответ прозвучал безразлично, будто они смотрели сюжет новостей, а не стояли над корчившимся у их ног человеком:

– Похоже на приступ эпилепсии...

– А... И что с этим делать?

– Ничего. Скоро пройдет. Дайте-ка... вон!

Схватив с верхушки куста указанный ей небольшой обломанный конец ветки, Кира протянула его мужчине, не понимая, чего хочет этот странный человек. А он, улучив момент, когда больной застонал, ловко сунул распорку между его челюстями и придержал, дожидаясь, пока зубы не стиснут древесную палочку.

– Чтоб язык не откусил... – Мужчина сдернул наброшенный на плечи темный пуловер и комком сунул его под голову пострадавшего. – Затылок еще разобьет... Вы «Скорую» вызвали? Так вызывайте. И полицию. А я, пожалуй, пойду.

– Куда?! – Кира вцепилась ему в локоть. – Я не останусь тут с ним! Я не знаю, что делать!

Он отвернулся, пряча лицо:

– Больше ничего и не сделаешь. Надо ждать медиков.

– Давайте ждать вместе! Я... Я боюсь... А вы видели, что произошло, вы должны... как это... Дать показания!

Опустив голову так, что Кира видела один козырек, мужчина быстро спросил:

– А вы поняли, что произошло?

– Он вылетел на меня... Я даже...

– А почему, по-вашему, он вылетел на аллею?

Кира потрясла головой. Пока «Ниссан» ехал по дороге, она не обратила на него внимания. В те минуты ее занимало одно: хотелось рассеять по уголкам незнакомого города всю тяжесть, какую она привезла с собой. Эту тяжесть быстро сдуло бы ночным бризом – крымским городкам не привыкать принимать людские горести и освобождаться от всего, что привозят с собой люди, весь год мечтающие выплакаться на груди моря.

– Этот ублюдок свернул, потому что я стоял на переходе, – произнес Черный Человек так ласково, будто говорил о любви.

Кире стало не по себе:

– Почему – ублюдок? А вы... Почему вы там стояли?

– Он несся как сумасшедший. Такую кирпичную дуру не снести просто так... Бетонную балку видите?

– Но вы видели, как он несется, и стояли? Вы что – хотели, чтоб он врезался?

– Лучше в нее, чем в толпу подростков. За поворотом – ночной клуб. В это время отдыхающие туда валом валят.

«Отдыхающие?! Значит, он местный, раз так говорит», – промелькнуло в Кириной голове.

– Наверное, тоже ублюдки еще те, но их мне почему-то больше жалко.

– Так вы... – У нее пересохло в горле, голос осип. – Специально, что ли?!

Кажется, он улыбнулся: подбородок, выглядывавший из-под бейсболки, дрогнул:

– Будем считать, я его остановил. И благодаря мне он не стал убийцей. Очнется, спасибо скажет.

– Думаете, он что-нибудь вспомнит? – с сомнением пробормотала Кира.

– Память – штука причудливая. Заранее не угадаешь, что в ней останется. Столько всякой ерунды помнится!

– Но он мог вас убить! Сбить насмерть...

– Да, убить, убить... Нет, не мог. Главная история моей жизни еще не началась.

– Вы о чем? Я вас не понимаю...

Из-за поворота показались синие проблесковые огоньки «Скорой», сирену ночью включать не стали. Кира обрадованно рванулась навстречу, замахала руками.

– Сюда! Скорее! Как быстро приехали, да? – Она оглянулась.

Мужчины не было. Только несчастный эпилептик лежал распластанный на траве рядом с побитой машиной.

* * *

Куда он делся?! Пока врачи укладывали раненого на носилки, грузили в «Скорую», пока подъехавшие гаишники выясняли у нее, как все произошло, Кира неотступно думала о Черном Человеке.

– Свитер ваш? – Молодой инспектор протянул ей комок. – Придется хорошенько его постирать...

– Ничего, – кивнула она.

И сунула пуловер в пакет, отыскавшийся в сумке. На всякий случай она всегда носила с собой пакет, как ее прабабушки в свое время прихватывали перед выходом из дому авоську. И вот – пакет пригодился!

– Вас подвезти? – поигрывая бровями, спросил инспектор.

Кира испуганно отказалась:

– Нет-нет! Мне надо пройтись. Успокоиться.

– Вы осторожней, – протянул инспектор разочарованно. – Если что, номерочек ваш у меня имеется...

«Если – что?» – неприязненно подумала Кира, но уточнять не стала. Ей хотелось поскорее уйти от этих людей в форме, от разбитой машины, от сбежавшихся зевак – наверное, тех, кого и спас тот человек на перекрестке. Она не могла понять, почему ни словом не обмолвилась о нем инспектору... По ее словам было записано, будто машину просто вынесло на аллею. Водитель не справился с управлением... Возможно, спяну. Скорее всего, именно так все и произошло. А если, очнувшись, эпилептик даст другие показания... Что ж, она вполне могла и не заметить никакого Черного Человека!

Ей стало легче от того, что все в мыслях ее упорядочилось. Осталось только решить для себя: кто же тот парень, что растворился в воздухе? Благородный спаситель подростков или псих, который ловит ночами адреналиновый кайф?

Ноги несли ее неудержимо, и Кира начала задыхаться от быстрой ходьбы. До нее не сразу дошло, что идет она не туда – дом на горе, в котором она сняла комнату, остался не то позади, не то в стороне. Заставив себя остановиться, Кира прислушалась. Шум прибора терялся в хаосе звуков, рвущихся из дверей ресторанов и кафе. Проводить там вечера ее совсем не тянуло.

«Да никто особенно и не предлагал! – напомнила она себе. – Станислав? Да он удавился бы... Интересно, почему он так любит, чтобы его называли полным именем? Никакого Стаса или Славы... Пафос во всем. Как там, в «Евгении Онегине»? *Он уважать себя заставил и лучшие выдумать не мог.* Что-то вроде того. Хотя, если точнее, во времена Пушкина в этой фразе подразумевалось соблюдение родными светских приличий...»

Ее саму удивило, что в памяти всплыли пушкинские строчки – она не была такой уж любительницей стихов. Но какие-то обрывки иногда вспоминались ей весьма кстати, вот как образ есенинского Черного Человека сейчас, и некоторым она казалась вполне начитанной девушкой. И ей действительно нравилось провести вечер с книгой, но только не со сборником стихов. Уж скорее она взяла бы европейский триллер из серии «Интеллектуальный бестселлер». Кире как-то попался один... Открыла она книгу с опаской, но чтение оказалось отнюдь не занудным, а довольно-таки увлекательным. И это подняло ее самооценку, которую Станислав столь упорно занижал...

– Не думать о нем, – пробормотала она как заклятие.

Затем и приехала сюда, чтобы очиститься ото всех воспоминаний. Родительский дом остался за полторы тысячи километров от Крыма, но Кира еще не успела соскучиться. В ее

возрасте пора было обзавестись собственным жильем, но Станислав этого так и не предложил, они жили с ним в съемной квартире. Сейчас Кира не могла понять, ждала ли она предложения от него или боялась этого?

В Подмоскowie в такой час тихо пели кузнечики, а здесь – взхлеб! – огромные южные цикады. Тут все было ярче, сильнее, звезд на небе – в два раза больше! Кира чувствовала, как быстрее бежит кровь, и хочется мчаться куда-то, карабкаться в горы, прыгнуть в волну со скалы... Кажется, впервые в жизни Кира делала все, о чем мечтала, и никто не натягивал вожжи: «Куда?! Шею сломать захотела?» Ладно бы мама... Но и Станислав не давал ей сделать и шагу... Просто не верил, что Кира сможет не раздавить при этом половину земного шара или не переломать ноги.

Он диктовал ей каждое действие, каждый вздох: «Что ты смотришь? Ну как можно смотреть такую чушь?! И не клади сюда телефон – кто-нибудь на него сядет». Они жили вдвоем – кто мог сесть на диван рядом с ней? Обычно Станислав садился в кресло напротив, сверлил ее холодным взглядом и с наслаждением забрасывал удочку с крючком-придиркой, а Кира обязана была поймать. Почему никто не замечает, что рот у нее порван – в кровь?

По его разумению, она все делала не так. Да и сама не дотягивала: слишком высок лоб, не прикрытый темными волосами, спускавшимися до плеч, – хорошо бы челочку выстричь... Сложена, как долговязая девочка-подросток, груди совсем нет! Не любит губы подкрашивать... Да и брови нынче в моде более темные... Ее синие глаза, которые всем так нравились, и то вызывали в нем чувство протеста: «Ты как будто в цветных линзах... Они у тебя неестественно яркие! А сама вечно бледная...»

Почему она все терпела? Она, которая в детстве была драчуньей и в институте могла постоять за себя.

– Ты дерзкая, – заметил Станислав в их первую встречу, когда Кира наотрез отказалась с ним выпить. – Это мне нравится.

И начал планомерно выдавливать из нее дерзость... А когда не осталось ни капли, потерял к ней интерес и ушел к другой. Ведь, кроме той самой дерзости, в Кире не оказалось ничего, достойного доброго слова: диплом пищевого института не стал защитой – Станислав все равно чуть ли не плевался от всего, что она готовила. И каждый вечер вспоминал, как вкусно кормила его бабушка, когда он приезжал на каникулы. Про мать не говорил, наверное, ей тоже от него доставалось, решила Кира. Узнать наверняка не довелось: Станислав так и не представил ее родителям. Теперь-то Кира понимала, что изначально была для него проходным вариантом.

Он был недоволен тем, как она стирает и гладит, делает уборку и ведет себя в постели. Находил грязь на кухне и в туалете, даже если Кира только закончила оттирать кафель... Порой ей казалось, что Станислав еле сдерживает бешенство, в котором она просто захлебнулась бы, если б хоть раз он дал ему выход. Почему он не ушел раньше? Три года пытки – зачем? И как оба они не сошли с ума? Он не дурак и, конечно, сразу же понял, насколько далека Кира от выпестованного им образа... И не смог простить ей того. Мучил и себя и ее, уже молившуюся ночами, чтобы он влюбился в кого-нибудь и сам захотел уйти. Ее он не любил совершенно, не жалел, не баловал, ею не восхищался...

Но и не истязал в том смысле, как это понимают в полиции, куда женщина может обратиться, только зафиксировав следы побоев. Кровоточащее сердце не видно никому.

Дернув ремешок сумочки, как поводок, Кира в голос усмехнулась: последняя фраза – уже перебор! Это из слезоточивых романов, которых она никогда не читала. Ей нравились триллеры... Вот жизнь и наполнилась ужасом. То, что человек читает, похоже, моделирует его жизнь.

Она спустилась к морю настолько, что стало слышно его дыхание, и утраченное было успокоение начало потихоньку к ней возвращаться. Улыбнувшись, Кира подумала с облегчением: «Здесь у меня начнется другая жизнь. Я же мечтала поселиться у моря! Что мне

мешает?» Сомнения и страхи еще опутывали ее, и не отпускало ощущение, будто она рвет их с каждым шагом, а они нарастают снова.

Хотелось поскорее освободиться от силков прошлого, но настоящее тоже подбрасывало ловушки – один Черный Человек чего стоил! Мелкий озноб пробегал по спине волнами, и Кире хотелось поскорее окунуться в теплую черную воду, в которой купались звезды и отсветы дальних фонарей.

На пляже в это время почти никого не было, на что она и надеялась. Невдалеке играли девушка с собакой, кажется, ридзийским риджбеком, но в темноте невозможно было разглядеть, есть ли на спине особая встречная полоска шерсти, которой отличается эта порода. Собак Кира никогда не боялась, и, если б тот пес бросился за ней в воду, она бы только обрадовалась. Побороться с такой псиной на мелководье – вот это забава!

Но риджбек лишь принюхался, вытянув красивую гладкую шею, запомнил новый запах и вернулся к хозяйке.

У каждого, кто ищет любви, должна быть собака.

* * *

Ничего бы дальше не произошло, если б не крот.

Он лежал у самой тропинки. Кира катила на велосипеде, и просто чудо, что она заметила это маленькое тельце в траве. Удивительно, но Кира Максимова еще ни разу не видела кротов живьем, только в детстве – в чешском мультфильме. Но тут ее почему-то чуть не выбросило из седла: «Кротик!»

Он был мертв. А над ним печально колыхался юный папоротник, не закрывавший тельца, но ласкающий его легкой тенью. Наверное, зверек угодил в ловушку смерти недавно, потому что выглядел совсем как живой. Его темная шкурка в прорезях тени поблескивала на июньском солнце, и крот точно в безмятежности спал, да так крепко, что не почувствовал, как Кира перевернула его палочкой. Теперь крошечные передние лапки были подняты вверх, а задние вытянуты, будто он сладко потягивался.

Присев над ним, Кира вздохнула:

– Ах ты, бедный...

Ей хотелось думать, будто кротик умер счастливым. Вот только она понятия не имела, что может сделать счастливым зверька, который всю жизнь проводит в кромешной тьме. Может, этот родился бунтарем и решил переломить судьбу? Выбрался на солнце и задохнулся от восторга... Как и она сама, перебравшись к морю. С той разницей, что она собиралась жить, а не умирать.

Одному только морю Кира могла доверить зализать свои раны. Пересчитывать их казалось ей делом неблагодарным, но набралось их достаточно: ночами боль сводила ее с ума. Ей грезилось, будто море вылечит все в считанные дни, но не отпустило до сих пор... И Кира начала сомневаться, стоило ли бежать из Подмоскovie.

Почему-то такие раны называют душевными, но она страдала физически. Ее корчило в постели так, что приходилось плестись на кухню и глотать за один прием и обезболивающее и снотворное. Тогда к рассвету сну удавалось успокоить ее, и она просыпалась к полудню, проклиная себя за то, что потеряла еще один день и не отправилась на поиски работы. А деньги кончались... И Кира клялась себе выпить таблетки еще до ужина, чтобы успели подействовать. Пора было менять режим. Пора было менять все.

Выбрав палку покрепче, Кира выкопала ямку под кустом земляничника. Потом, не найдя лопуха, которым хотела, как саваном, обернуть кротика, сорвала несколько листьев каштана, выбирая из них покрупнее, и перекатила мертвое тельце. И вдруг увидела на земле телефон.

На секунду Кира замешкалась, решая, похоронить ли сперва зверька, а потом поднять телефон, или сделать наоборот. И все же решила, что телефон никуда не денется, а кротика лучше поскорее предать земле. Не то чтобы ей мерещился запах или что-то мешало, но хотелось сделать все по-человечески, ведь речь шла о смерти. А к ней нужно относиться уважительно.

Она перенесла крота и бережно уложила его в могилку, укрыв листьями каштана. «Хоть он и конский, но кротику не навредит». Кира сгребла выкопанную землю ладонями и засыпала ямку.

– Ты жил в земле... уж не знаю, нравилось тебе это... или нет, – бормотала она вполголоса. – В земле нашел и последний приют. Надеюсь, тебе будет здесь хорошо... Если рай для животных все же существует, пусть тебе отыщется там хорошее местечко.

Сделав небольшой бугорок, она зачем-то опустила на него руку, словно крот мог ощутить эту последнюю ласку. Зверек ничего для нее не значил, и все же у Киры отчего-то тоскливо сдавило сердце...

«А если б я наткнулась на какой-нибудь острый сучок здесь, в лесу? – подумалось ей. – Прямо в сердце... Кто похоронил бы меня? Ни одного знакомого человека в Крыму... Кроме квартирной хозяйки, которая за порог не выходит. Я так и валялась бы под кустом?»

Болезненно усмехнувшись, она тщательно отряхнула ладонь. Велосипед послушно ждал ее под кипарисом. Кира взялась было за руль, но вспомнила про найденный телефон. То, что он оказался недорогим, кнопочным («Кто сейчас еще пользуется такими?»), сразу освободило ее от угрызений совести – невелика потеря! Хозяин наверняка успел купить себе другой, разыскивать его и смысла нет...

– А мне ты зачем? – проговорила она вслух и смущенно хмыкнула, оглянувшись.

Но в пригородном лесу никого не было в этот час – отдыхающие сюда не забредали, а у местных рабочих день был в разгаре. Никто не увидел того, как Кира нажала кнопку и пролистала телефонную книгу. Все, как у всех: мама, папа и несколько безымянных номеров. Зато в альбоме обнаружилась фотография. Всего одна: молодой мужчина в темной футболке сидел за столиком, за его спиной растопырила листья пальма в кадке, а за окном... Море? Значит, фотография была сделана здесь.

– Привет! – Кира улыбнулась, разглядывая лицо. Выражение его было немного застенчивым. – Ты загорелый... Местный, да? Мне казалось, что парни в приморских городах... посвободнее, что ли. У тебя темные волосы или просто снимок некачественный? Как тебя зовут?

Немного поколебавшись, она открыла отправленные сообщения – в них могла найтись какая-нибудь зацепка. Зачем-то необходимая... Нет, обычное любопытство тоже давало о себе знать, но было нечто еще, чего Кира пока не могла определить словом. Почему у нее подрагивали руки и замирало сердце? Она не знала.

«Не обижайся на то, что я наговорила».

У нее дрогнул усмешкой рот: так телефон принадлежал женщине! Как это знакомо – пытаться помириться с помощью сообщения. Адресовано Илюше. Видимо, парень на снимке и есть Илюша. И еще ему же: «Вернись, умоляю тебя!»

– О, да он умеет заставить страдать! Только с виду такой милый? А тут уже целое письмо...

Усевшись на траву рядом с велосипедом, Кира начала читать, цепenea с каждой секундой: «Я мечтаю, чтобы эта ночь стала для меня последней. Но я не могу этого сделать... Не могу. Если ты не вернешься, я пойму, что больше не нужна тебе. Я уйду. Совсем. Но ты ни в чем себя не вини».

– Неужели с собой покончила?! – вырвалось у Киры.

Опустив телефон, она уставилась в пространство, не замечая, как тяжело дышит. В ее руке лежало упакованное в мертвый пластик живое человеческое горе. Эта женщина, имени

которой она не знала, могла уже быть мертва, как тот крот, которого Кира только что похоронила.

Она помертвела: этот зверек стал посланцем из мира мертвых. Та несчастная отправила его, чтобы привлечь внимание к телефону, который она... Выбросила? Потеряла? Или этот чертов Илюша небрежно избавился от него после похорон, просто швырнув в траву?

Кира заторопилась:

– Что он ответил ей?

В тот вечер, когда женщина писала прощальные слова, ответа не пришло.

– Вот гад! – не сдержалась Кира. – Так, а это днем раньше. Ого, в шесть утра? «Открой».

Пил он, что ли, всю ночь?

Ей показалось странным, почему Илья набрал пусть краткое, но сообщение, а не позвонил, ведь спяну одну кнопку найти куда проще, чем нажать несколько... Почему? Боялся, что она не возьмет трубку?

«Прости, все кончено».

Несколько раз перечитав эту фразу, Кира попыталась представить, что должна была испытывать женщина, получившая такое сообщение. Если любила... Ей-то Станислав в лицо сказал, что уходит. За минуту до тех слов Кира не сомневалась, что ждет их, а теперь сходила с ума от боли. Каково же той, которая любит? Разве продохнешь такую муку? Как же она с этим справилась? Она... Кто она? Как ее звали?

Кира спохватилась: «Ох, почему – звали... Может быть, обошлось, и она живет себе преспокойно. Что-нибудь еще он писал ей в тот день?»

Вдруг телефон чуть не выпал у Киры из рук: тот день, это же... август.

– Так это было почти год назад? Сейчас только июль. Если она умерла... Боже.

Мысли вспыхивали молниями и обрывались, заставляя Киру вздрагивать то от страха, то от догадок, которые она тут же и отметала. Позвонить ее матери? Номер есть. И что спросить? Ваша дочь действительно умерла? Да зачем ей все это?! Своих забот – не разгрести...

Вскочив, она сунула телефон в висевшую через плечо сумку – не бросать же его снова! – и оседлала велосипед. Но прежний задор куда-то ушел, хотя Кира любила и спорт, и скорость.

«Не думать о них. Не думать».

Она попыталась вытеснить этих виртуальных людей вполне реальным, только погребенным кротом, который потянул за собой целую череду воспоминаний о животных, похороненных в разных городах. Отец Киры был военным, и они часто переезжали. Но только в один город она все эти годы мечтала вернуться... И вот наконец это случилось. Она прилетела в свой Зурбаган. Правда, на самом деле он назывался иначе...

Грин был не то чтобы любимым писателем Киры, а скорее единственным, чьи книги она приняла душой еще в детстве. После него любая проза казалась ей блеклой, мертвой, скучной... Увлекали лишь триллеры, которыми она щекотала нервы. Но после них Кира опять возвращалась к рассказам о Лиссе, чтобы вдохнуть настоящего волшебства.

Люди, бесстрашно выбиравшиеся из-под обложек книг Грина в ее мир, казались Кире более живыми, чем одноклассники или соседи. Жажда жизни героев заставляла ее задыхаться от восторга и отчаяния, ведь она понимала, что ей не суждено стать такой, как гриновские персонажи, подчас жуликоватые, злые, но такие яркие... Влюбиться в такого – и жизнь удалась. Принесет ли это счастье? Сомнительно. Зато переживаний такой роман доставит целую палитру! Не то что со Станиславом...

Почему-то ни разу она не примерила к себе образ Ассоль, даже в пору смутных мечтаний о несбыточном. Кире всегда было страшно стать девочкой, над которой смеются. К подвигу Ассоль, сумевшей пронести свою мечту живой сквозь град камней, летящих со всех сторон, Кира была не способна. Одно дело ввязаться в потасовку с мальчишками, спасая кошку, кото-

рую те подвязали за хвост к дереву, и совсем другое – раскрыть перед всеми себя истинную. И вот такой, можно сказать, обнаженной, пройти сквозь толпу.

Ей легче было спрятать сокровища, вызревшие в душе, в собственные глубины, чем предъявить их враждебному миру.

* * *

Пока извилистыми улочками, закованными в прохладные каменные ограды, которых так приятно было касаться ладонью, Кира возвращалась к маленькому домику, где сняла комнату, ей вспомнился ее первый пес. Тогда они жили в сибирском поселке, где она и родилась, и пошла в школу. Там не принято было провожать детей, крепко держа за руку, даже в первый класс: каждый знал каждого, и любой мог поклясться, что негодяев среди его соседей нет.

Поэтому Кира одна ходила в школу. И вот однажды по пути встретила этого рыжего пса. После него были и другие собаки и кошки, но тот оказался первым, и Кира всегда вспоминала его, если речь шла о ее питомце. У него были солнечные глаза и самая улыбчивая пасть в мире. Если между человеком и собакой бывает любовь с первого взгляда, это как раз такой случай. Кира рыдала в ногах у матери, умоляя пустить ее лучшего друга Ржавчика в дом, пока отец не вернулся со службы и не проговорил, по обыкновению, так тихо, что все вокруг замирали и вслушивались:

– Не шмотку модную клянит. Не телефон новый. Живое существо. Это хорошо, мать...
Надо пустить.

Три года с Ржавчиком были полны радостного света. Пес встречал ее из школы, и они наперегонки неслись по поселку. Выскакивали на высокий, крутой берег и по торчавшим из сыпучей земли корням сосен сбегали к любимой, в их местах еще широкой Томи, чтобы проверить – все ли рыбаки целы? А заодно угоститься, если кто окажется с хорошим уловом. Угощался, конечно, Ржавчик, а Кира сидела на камнях и болтала с рыбаками, делясь школьными новостями. Она и теперь не сомневалась, что им было интересно.

Но однажды Ржавчик не появился после уроков. Вместе с матерью Кира обегала все окрестности, потом и отец подключился, даже своих солдат погнал на поиски...

И они нашли.

Пес лежал под высокой елью, вытянув лапы совсем, как этот кротик, только на боку, а не на спине. Его солнечная шерсть показалась Кире грязно-коричневой... Почему-то она в первую же секунду поняла, что это кровь, много крови. Коленки она разбивала, конечно, локти обдирала, но там крови было немного. А из Ржавчика она вытекла, кажется, вся.

Потом, уже взрослой, Кира пыталась понять: зачем отец показал ей, десятилетней, убитую собаку? Мог же похоронить сам, солдат запрячь... Но он взял Киру за руку и подвел к той ели.

С тех пор в их доме не ставили новогодних елок, она видеть их не могла. Станислав при- тащил искусственную, хотя она просила не делать этого. Весь праздник колелась воспоминаниями... Капли крови Ржавчика поблескивали на мертвых ветвях. В полночь Кира загадала: «Я хочу, чтобы мы расстались с ним в этом году... Пусть отвяжется от меня!»

Желание сбылось. Почему же теперь было так пакостно на душе? Хотя Кира точно знала, что возвращения Станислава она не желает. И поставить елку ему больше не позволит... Для нее это дерево было куда более траурным, чем кипарис, с которым ничего плохого в ее жизни не связано. Как раз к кипарисам, в Крым, отца и перевели через месяц после смерти Ржавчика, и Кира до сих пор была благодарна морю за то, что оно исцелило ее тогда.

Прошное рыжего цвета так утянуло Киру, что мельтешащие перед глазами солнечные пятна стугулись, как занавесом задернув реальность. Что там оказалось на дороге? Выбоина в

асфальте, которым несть числа? Или камень попал под колесо? Велосипед споткнулся, пошел юзом и рухнул на асфальт вместе с Кирой, не успевшей нажать на тормоз.

Отключилась она на какой-то момент? Или это ей лишь почудилось, потому что от боли в колене потемнело в глазах? Когда в голове прояснилось, Кире показалось, будто она очнулась в другой реальности... Эта улица здорово походила на уже знакомую ей – проходила тут пару раз. Кажется, это крыльцо с витыми перилами, заманивающее в какое-то кафе или магазинчик, уже видела прежде. И этот старый инжир, росший посреди тротуара...

Надо было добраться до него, уползти с проезжей части, пока ее вдобавок не переехали... Но не успела она приподняться, как чьи-то руки подхватили ее под мышками, протаскивали немного и усадили на бордюр.

– Вот так, милая... Сейчас.

От боли еще мутилось в глазах, но Кира смогла разглядеть невысокую худенькую женщину, храбро выскочившую на дорогу и поднявшую велосипед. Встряхнув, как будто приводила в чувство, она вывела его на тротуар и прислонила к стене. Потом снова склонилась к Кире, и лицо ее сморщилось от жалости:

– Встать сможете? Впрочем, нет. Сидите здесь, я принесу...

Что принесет – женщина не договорила и опять куда-то убежала. В дверном проеме вспыхнули каштановые волосы, не закрывавшие длинной шеи, мелькнула светлая хлопковая рубашка. Кира прищурилась: над входом выбившаяся из клубка пряжи нить закручивалась вывеской «Кошачье царство». А следы кошачьих лап отпечатали на старой, очень похожей на корабельную, доске – «Музей-кафе».

«Я попала в царство кошек? Вовремя! Говорят, они залечивают раны...» Она разглядела колено, ободранное, как в детстве, чуть не до кости. Попыталась согнуть ногу и застонала.

– Вам помочь?

Остановившиеся рядом кроссовки были большими. Это оказалось единственным, что она могла сказать о них определенно. Когда-то они были, кажется, белыми...

Кира подняла глаза:

– Спасибо. Мне, кажется, помогают. Наверное, она... эта женщина... за аптечкой убежала.

И указала подбородком на ведущие к двери кафе кошачьи следы, нанесенные краской на асфальт. Высокий парень, улыбавшийся ей сверху, оглянулся:

– Мама уже успела? Она у нас шустрая.

– Мама?! Мне показалось... моя ровесница.

Парень мгновенно театрально расшаркался, не обращая внимания на прохожих:

– Я передам ей комплимент.

«А ему-то лет двадцать? – попыталась определить Кира. – Какой рыжий! Смешным не выглядит, вот странно. Наверное, потому, что черты – правильные. Веснушек нет. И глаза – темные».

Он вдруг смело коснулся ее ноги:

– Вас сбили?

– А? – Кира чуть дернулась от прикосновения. Больно. – Не трогайте. Нет... Это все кротик...

– Кролик? Белый? Так вот ты какая, Алиса! Не признал...

– Да нет, кротик... Крот. В общем, я... просто задумалась. Наверное, в какую-то яму угодила колесом.

За его спиной прозвучал знакомый голос:

– Там тротуарная плитка валялась, я убрала.

Отступив, парень сделал жест руками, уступая матери дорогу:

– Прошу, доктор! Пациентка ваша.

– Шут гороховый. – Женщина беззлобно усмехнулась и поставила на тротуар большую холщовую сумку с красным крестом. – Уверю вас, рана не смертельна. Сейчас промоем и заклеим. А потом я отвезу вас в травмпункт.

– Я сам отвезу.

– В травмпункт? Но...

– Я отвезу!

– Хорошо. А потом Антон отвезет вас в травмпункт.

Поверх ее плеча показалась голова сына:

– Если что, Антон – это я. А мою мамочку зовут Лариса. Она о-очень хорошая! Хоть и не рыжая. Это я в папочку!

– Уймись. – Лариса толкнула его локтем. – Иди готовь машину.

– А чего ее готовить? Вон стоит.

Невольно проследив, куда он указал, Кира попыталась угадать, на которой ей предстоит поехать. Но, заметив насмешливый взгляд Антона, быстро опустила глаза.

Лариса полила ее рану перекисью водорода, и белая пена вовсю пузырилась, смешиваясь с кровью. Больно не было, но Кира поморщилась – жуткое зрелище!

Антон, склонившись над ними, прищелкнул языком:

– Красиво, черт возьми! Вполне в духе современной живописи. Как вас зовут? Кира? А давайте, Кира, вместе делать деньги? Вы будете разбивать колени, мама поливать вас перекисью, а я объяснять зрителю концептуальность этой инсталляции!

– Я тебе рот пластырем заклею, – пообещала Лариса. – Вот такое чудище я произвела на свет...

– Тогда надо и руки бинтом связать, чтобы я не расклеился. А как же я без рук буду машину вести? А мамочка у нас глупенькая, она машину до сих пор не научилась водить. Но она все равно о-очень хорошая!

Выдав идиотский смешок, развеселивший Киру, он погладил мать по волосам. Она дернула головой:

– Сын, сгинь!

– Звучит, как заклинание. – Антон испуганно прижал пальцы к губам. – Мамочка-ведьма?

– Да ты уйдешь или нет?!

Его глаза округлились и увлажнились слезой:

– Ты меня не любишь, мама? Ладно, ладно, не бей. Пошел выводить коня из стойла. Кира, вы сидите пока тут, я вернусь за вами.

Невольно потянувшись за ним взглядом, Кира заметила, что он немного прихрамывает, но не решила выяснять у Ларисы причину. Осторожно прижав к ее ране марлевый квадратик, та аккуратно прикрепила его пластырем и большими пальцами разгладила полоски.

– Забавный у вас сын, – сказала Кира, надеясь, что это не прозвучит обидно.

– Замечательный, – охотно подхватила Лариса. – На него во всем можно положиться. Это он от смущения дурачится. Видимо, вы произвели на него впечатление...

У нее были такие же правильные черты, как у сына, только гораздо мельче, изящнее. Вокруг миндалевидных карих глаз прорисовались морщинки, но Кире они показались прелестными. Лариса была из тех женщин, которые и после сорока притягивают взгляды, хотя в ней не ощущалось и намека на показную сексуальность, восхваляемую «глянцем». О такой женщине хотелось сказать: леди.

Разглядев ее исподтишка, Кира решила, что такого лица она в жизни не видела. Точное, им хотелось любоваться и любоваться – просто потому, что вот такой и бывает истинная красота...

– А я только что кротика похоронила, – вырвалось вдруг у Киры.

Ловкие Ларисины руки замерли:

– Где?

– Там, в лесу.

– Это вы из-за него так расстроились?

Кира невольно вздохнула:

– Да нет. Не только... Своего пса вспомнила...

– Понятно... Наши мертвые никуда не уходят.

Она встала, но, заметив, что Кира тоже пытается подняться, быстро удержала ее за плечи:

– Сидите, сидите, Антон поможет!

Кира смутилась:

– Но это как-то...

– Удобно. Он крепкий парень. Правда... А вот и он – тут как тут!

«Она хотела рассказать мне, что у него с ногой, – догадалась Кира. – Интересно зачем?»

Вынырнув из-за большого джипа, Антон развел руками, изобразив восторг:

– Совсем как новенькая!

– А зачем в травмпункт? – захныкала Кира. – Вы же так хорошо все сделали. Может быть, не надо?

Беззвучно рассмеявшись, Лариса покачала головой:

– Я же не врач. Возможно, требуется швы наложить. Не бойтесь, Антон побудет с вами и потом отвезет домой.

Нахмурившись, Антон закатил глаза, что-то высчитывая:

– Это будет стоить...

– Сын, прекрати! Кира, я покараулю ваш велосипед. У нас он будет в безопасности.

– В вашем музее? Или это все же кафе?

– А вы приходите потом – мы вам все покажем и расскажем. Вас ждет увлекательное путешествие...

– В кошачье царство? Уже хочу! Спасибо вам.

– Да не за что...

Антон не выдержал:

– Данке шон! Битте шон! Ах-ах! Все, погнали. – И наклонился к Кире. – Цепляйтесь за шею.

– Антон! – вскрикнула Лариса и, опомнившись, добавила скороговоркой: – Может быть, Кира сама?

– Я справлюсь! – отрезал он.

«Значит, у него что-то серьезное, не просто так хромает, раз она всполошилась».

Кира хотела было уверить его, что прекрасно допрыгает до машины на одной ноге, но Антон подхватил ее на руки и понес к стоявшему поодаль кофейного цвета «Фольксвагену Поло». Передняя дверца была гостеприимно открыта, а сиденье откинута, чтобы она могла ехать полулежа.

– Нормально?

Он навис над ней, но в этой позе не было угрозы – и глаза, и губы улыбались. Никакого напряжения в лице, будто ему и впрямь было совершенно нетрудно ее перенести. От Антона шло тепло, которое хотелось потрогать.

У Киры слегка сбилось сердце от этой живой солнечной волны, накрывшей ее с головой. Она поймала себя на мысли, что впервые со времен знакомства со Станиславом другому человеку удалось смутить ее своей близостью.

– У вас глаза цвета моря – не синие, не зеленые. Морские. Вы должны были приехать сюда, – неожиданно проговорил Антон. – Бог вас пометил... Вы же останетесь?

– Не знаю. Хотелось бы...

– Что мешает?

– Пока у меня ни жилья, ни работы.

– А нам как раз нужен администратор!

Она усмехнулась:

– Это ты сейчас придумал?

Рука, натянувшая ремень безопасности, замерла над ней:

– А я только хотел предложить перейти на «ты»!

Кира засмеялась:

– Ну, пристегни же ремень!

Он потянул широкую лямку:

– Любишь опережать события?

Несколько мгновений они смотрели друг на друга молча, потом он усмехнулся:

– Глупость брякнул. Больше не повторится.

«Никогда?!» – чуть не вырвалось у нее.

Устроившись за рулем, Антон произнес уже весело:

– Если б мы не спешили спасти твою коленку, я покатал бы тебя по городу. Он заслуживает персональной экскурсии.

Кира собралась с духом:

– А что, если как-нибудь потом? Когда моя нога заживет...

– Устроим! – оживился он. – Отлично! Я тебе расскажу все местные легенды.

Вел он мягко и уверенно, на поворотах Кира ни разу не поморщилась от боли. Чтобы не коситься на Антона, она поглядывала в окно, пытаясь запоминать названия улиц. В ее подмосковном городке тоже была Садовая, как и в Москве, но, конечно, не было Скалистой, Орлиной и проезда Теплой Бухты. Кира невольно улыбалась, вслушиваясь в их звучание: «Я нашла свой Зурбаган...»

Ей нравилось, что улочки змеились, путая приезжих, пытались заманить старыми каменными лестницами в полусумрак чужих дворов, где шла тайная жизнь, которую нестерпимо хотелось подсмотреть. Все эти дни здесь Кира этим и занималась: на цыпочках поднималась и спускалась, цепляясь за стены, слепленные из камней разной формы и величины еще, казалось, в Средние века. А возможно, так оно и было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.